

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА*Воробьиная ночь*

Выражение *воробьиная ночь* имеет, как известно, несколько значений: 1) самая короткая в году ночь, 2) летняя грозовая ночь с непрерывным блеском молний и раскатами грома¹. Во фразеологическом словаре М. И. Михельсона указано еще одно значение — «осеннее равноденствие (народн.)»², но больше нигде оно нам не встретилось и позднейшими словарями не повторяется. Это значение не тождественно с первым, поскольку ночь осеннего равноденствия (23 сентября) отнюдь не самая короткая.

Наиболее распространенным, употребительным и чаще всех встречающимся в литературе является из всех этих значений второе. См., например, у Тургенева: «...была гроза, но она проходила очень далеко, так что и грома не было слышно; только на небе непрерывно вспыхивали неяркие, длинные, словно разветвленные молнии... Молнии не прекращались ни на мгновение; была, что называется в народе, *воробьиная ночь*» («Первая любовь»). То же у Чехова: «Бывают страшные ночи с громом, молнией, дождем и ветром, которые в народе называются воробьиными. Одна точно такая же воробьиная ночь была и в моей личной жизни...» («Скучная история»). То же и у С. Григорьева: «Тому, кто не видел хоть раз в жизни „воробьиной ночи“, трудно поверить, чтобы немые, но пронзительные яркие молнии полыхали всю ночь непрерывно со всех сторон горизонта, заливая порхающим светом все небо» («Кругосветка»). См. также у К. Паустовского: «Ливень так же внезапно стих, как и начался. Только молнии мигали почти непрерывно. От этого все небо над головой горело мутным перебегающим огнем...

— Знаете, как называются такие ночи с непрерывной молнией?

— Нет,— ответила Клава.

— Воробьиными» («Рождение моря»).

Хотя описание *воробьиной* ночи у каждого из упомянутых авторов имеет свои детали и не во всем совпадает, но общее значение является тем же самым, что и в «Словаре современного русского литературного языка АН СССР». Достойно внимания и то, что старые авторы (Тургенев, Чехов) приводят это выражение со ссылкой «называется в народе», расценивая его, очевидно, не как вполне литературное и общепринятое, а именно как народное, в то время как у современных авторов и в современных словарях (Д. Н. Ушакова, Академии наук, С. И. Ожегова) эта черта уже не указывается, т. е. выражение воспринимается как общелитературное.

Почему же грозовая, с молниями и зарницами ночь называется *воробьиной* и какое отношение она имеет к воробьям (или воробьи к ней)? Обычно дается объяснение такого порядка:

«„Воробьиная ночь“ — редкость. Почему „воробьиная“?...

— Не знаю. Быть может, воробьи принимают такую ночь за день?

— На день совсем не похоже. Быть может оттого, что вспышки быстро одна за другой — воробьи не успеет глаз сомкнуть... или трепетание света похоже на порханье воробья?

— Что-нибудь в этом роде...» (С. Григорьев, Кругосветка).

Не очень отличается от предыдущего и такое объяснение:

«Знаете, как называются такие ночи с непрерывной молнией?...

¹ См. «Словарь современного русского литературного языка», т. II, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 672. Эти же значения указаны в толковых словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова. См. также «Словарь русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. наук», т. I, СПб., 1895, ст. 510—511.

² М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. I, СПб., 1912, стр. 95.

... Воробьиными. Потому что от ярких вспыхев воробьи просыпаются, начинают метаться в воздухе, а потом, когда молнии гаснут, разбиваются в темноте о деревья и стены» (К. Паустовский, Рождение моря).

Аналогичное объяснение дают и упомянутый выше составитель фразеологического словаря М. И. Михельсон: «темная, бурная, с сильной грозой (пугающая воробьев в их гнездах)», и словарь Второго Отд-ния Акад. наук («ночь, выгоняющая воробьев из гнезд»)¹.

Однако все подобные объяснения являются, как нам кажется, позднейшим осмыслением весьма рационалистического, но не очень убедительного порядка: с равным успехом такая ночь могла быть названа и галочьей, и сорочьей, и грачиной, и голубиной, ибо всем другим птицам она так же страшна, как и воробьям.

В значении «грозовая ночь» в русском языке употребляется еще и другое выражение — *рябиночная ночь*. Оно приведено в словаре В. И. Даля² с таким пояснением: «душная, с зарницами, во время цвета рябины»³. Слова «во время цвета рябины» являются таким же рационалистическим осмыслением, как и «воробьиная — пугающая воробьев» (и, возможно, принадлежат самому Далю). Но почему же одна и та же ночь — летняя, душная, грозовая, с зарницами — получила название по столь разнородным признакам? Ведь никакой смысловой связи, даже самой отдаленной, между *воробьем* и *рябиной* установить нельзя. Смысловой связи здесь действительно нет; но между этими словами есть связь (или, лучше сказать, общность) звукового порядка, еще более заметная в другом варианте этого наименования — *рябинная ночь*. Ниже мы постараемся показать, что между этими двумя названиями (*воробьиная* и *рябинная*) имеется генетическая связь; заодно мы попытаемся ответить и на вопрос, какое из этих двух выражений первичное, а какое — вторичное.

В ряде русских летописей (Новгородской 4-й, Новгородской 5-й, Софийской 1-й, Воскресенской) под 6532 (1024) годом в рассказе о битве Ярославла и Мстислава под Ливенем читаем: «Бывши *нощи рябиной* тма, и громъ шибаше и молнія и дождь... и бѣ гроза велика и сѣча силна...» (курсив наш. — А. Ф.). Итак, выражение *рябинная ночь* в значении «грозовая ночь» было, оказывается, в ходу уже в древнерусском языке. Однако ответить на вопрос, что здесь означает слово *рябинный*, очень трудно. И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит это слово, иллюстрируя его вышеприведенной строкой из летописи, но ставит при нем вопросительный знак (т. е. отказывается разъяснить его значение).

В диссертации Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» по этому поводу сказано следующее (даем полную выписку): «Это одиночно стоящее в древнерусской лексике слово находит свое подтверждение в белорусских и соседних с ними западнорусских (смоленских) говорах: а р а б и н о в а я н о ч ь „грозовая ночь“ (А. К. Сержиутовский, Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чушина, Слуцкого уезда, Минской губернии, сб. ОРЯС, т. 89, СПб., 1912, стр. 48), р я б и н о в а я н о ч ь „бурная ночь с громом, между Ильей и Успеньем, бывает один раз в году; главный шабаш ведьм“ (П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, сб. ОРЯС, т. 72, СПб., 1902, стр. 262), „ночь, в которую идет дождь, гремит гром и светит молния при большом ветре; р я б и н о в ы е н о ч и бывают между двух пречистых (15 августа — 8 сентября)“ (В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, 1914, стр. 807—808), „р я б и н о в а я н о ч ь — бурная грозовая ночь (витебск.)“ (Материалы «Диалектологического атласа русского языка»).

Видимо, с понятием *рябинная ночь*, — продолжает Ф. П. Филин, — в древнерусскую эпоху связывались культово-мистические представления дохристианского времени, пережиточно сохранившиеся в говорах вплоть до наших дней. Поскольку это так, то автор варианта сказания о ливенской битве, помещенного в Соф. 1 и других близких к ней летописях, вводил (или скорее оставлял) эту деталь, придавал описываемому событию мистический характер, необычайно усиливая впечатление, получаемое от картины боя (ночь, в которую происходит борьба двух потусторонних сил, молния, гром, блеск оружия, ярость битвы).

Трудно сказать, является ли слово *рябинной* составной частью древнейшего сказания о ливенской битве или же оно представляет собой более позднюю вставку составителя общего для Соф. 1, Новг. 4 и других летописей источника. Вернее всего первое предположение, так как в Лавр. и др. сама фраза есть («и бывши нощи и бысть тма» и т. д.), отсутствует лишь слово, которое могло быть опущено, как однозно языческое, автором редакции «Повести временных лет». Если это так, то остается предположить, что термин *рябинная ночь*, и теперь существующий в белорусских

¹ «Словарь русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. наук», т. I, ст. 511.

² См. В. И. Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, стр. 124.

³ В какой местности бытует это выражение, Даль не указал.

и смоленских диалектах, попал в киевское койнэ с севера или северо-запада (из земли кривичей)¹.

Оставляя в стороне гипотезу Ф. П. Филина о дохристианской культово-мистической семантике слова *рябиный* и о причинах, побудивших составителя Лаврентьевской летописи пропустить это слово, ибо все это гадательно и недоказуемо, не останавливаясь на поэтической картине, нарисованной им (ночь, потусторонние силы и т. п.), ибо она основана на собственной гипотезе автора, используем приводимый им фактический материал. Тут прежде всего следует обратить внимание на существование выражения *рябиная ночь* в ряде белорусских и смоленских диалектов; таким образом, это выражение является столь же живым, как и параллельное *воробьиная ночь*. Затем следует поставить такой вопрос: а действительно ли *рябиновая* (*рябиная*) *ночь* и *воробьиная ночь* являются самостоятельными, независимыми друг от друга выражениями и не имела ли здесь место подстановка одного слова вместо другого, так что из одного какого-то исходного полуцифра в конце концов д в а различных. Основанием для этого предположения служит не только звуковое подобие этих двух слов, но и некоторые иные соображения.

Обратив внимание на белорусские говоры и на наличие в них выражения *рябиновая ночь*, Ф. П. Филин оставил совершенно без внимания украинский язык. А между тем в нем мы встречаем любопытную деталь: русскому *воробьиная ночь* в украинском языке соответствует *горобина ніч*. См., например, у Г. Г. Шевченко: «І в горобину ніч прийти для такої лялочки, як наша» («Назар Стодоля»). Но украинское *горобиний* означает не только *воробьиный*, но и *рябиный* (*рябиновый*), так как дерево *рябина* (*Sorbus Aucuparia*) называется по-украински *горобина* (и *оробина*). См. в словаре Гринченко: «горобина розкинула зелений намет», т. е. «рябина раскинула зеленый шатер». Таким образом, в украинском языке здесь действительно омонимы².

На основании всего вышеизложенного позволяем себе высказать такую догадку. Из двух этих выражений мы считаем более старым, исходным *рябиная ночь*. Основанием для такого предположения служит и то, что это выражение употреблено в летописи, и то, что оно существует не только в русских, но и в иных восточнославянских говорах, в то время как выражение *воробьиная ночь* существует только в русском языке.

Значение слова *рябиный* для данного выражения установить трудно. Однако в этимологическом словаре А. Г. Преображенского под словом *ряб* среди прочих значений встречаем и такое: «древ. [т. е. древнесеверогерманский] *jarpr* „темный, коричневый“... апс. [т. е. англосаксонский] *corp, eaþr* „темный“, дрвм. [т. е. древневерхне-немецкий] *erpf „fuscus“* [т. е. „темный, зловещий, мрачный“], греч. *βρῦνος* „темный“, *βρῦνη „тьма“, темнога“*³. На этом основании мы и предполагаем, что летописное *рябиная ночь* могло означать «темная», «мрачная», даже «зловещая» ночь. Но слово это (а, значит, и все выражение) было уже архаическим и для самого летописца, а потому он и пояснил его параллельным «быть тма», возможно, в порядке разъяснения для читателя. В позднейших же списках его просто опускали.

Связывались ли с этим словом и выражением культово-мистические представления дохристианского времени и стало ли оно единственным после принятия восточными славянами христианства, как полагает Ф. П. Филин, судить трудно. Но то, что оно по своей этимологии стало непонятным и темным, утратило живые смысловые связи с другими словами этого же гнезда и потеряло свою внутреннюю форму, представляется бесспорным: вопросительный знак в словаре И. И. Срезневского является ярким тому доказательством.

Возможно, что данное выражение попало в киевское койнэ действительно с севера или северо-запада. На этой диалектной почве древнерусское *рябиный*, *рябиновый* было воспринято как производное от *рябина* и приняло в украинских говорах форму *горобина ніч*⁴. Но сочетание *горобина ніч*, как мы знаем, омонимично, двусмысленно и означает и *рябиновая*, и *воробьиная*. Так как для позднейшего представления *рябиная ночь* звучала как абсолютная бессмыслица, то возобладало второе понимание — тоже не абсолютно ясное, но все же более приемлемое: *воробьи-*

¹ Ф. П. Филин, Лектика русского литературного языка древнекиевской эпохи, «Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 80, 1949, стр. 258—259.

² Различие между ними только графическое: *воробьиный* — *горобиний*, а *рябиновый* — *горобиний*.

³ А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. 12, М., 1916, стр. 240.

⁴ Думается, что древнее и современное *рябиновая ночь* к дереву *рябина* никакого отношения не имело и не имеет и что связь между этими словами и понятиями возникла в результате забвения старого значения, т. е. непонятности его, утраты внутренней формы. Таким же позднейшим рационализмом является возможное объяснение словосочетания *рябиновая ночь* через слово *рябь* или *рябина* — «шерстинка», «пятнышко» т. е. «ночь, в которую небо словно покрыто рябью». Все это придумано задним числом, как и «пугающая воробьев» для осмысления ставшего непонятным выражения.

иная ночь с обоснованием, нашедшим свое отражение у Михельсона, Григорьева, Паустовского и др. Это понимание и закрепилось позднее вместе с соответствующим выражением в русском языке.

Таким образом, мы допускаем такую возможность проникновения указанного выражения в русский язык: северо-западные (белорусские и смоленские) говоры > киевско-койне и украинские говоры > русские говоры и русский язык (с соответствующими на этом долгом пути смысловыми и фонетическими изменениями).

Можно, однако, допустить, что подобное фонетико-семантическое изменение рябиной ночи в воробьиною могло произойти и иным путем — самостоятельно на русской почве, без посредствующего звена украинской речи. Изменения эти могли произойти в результате морфологического переразложения. Подобно тому как из слова *вторник* получилось в некоторых говорах *осторник* (через *во^вторник* > *е^вторник*) или в украинском языке *вівторок* (через *уеі^второк* > *у^вівторок*), так из *во^рябиною* ночь могло получиться *е^оробиную* ночь (ср. белорусск. *арабиновая*), а затем и *е^оробиную*, причем этот процесс был поддержан непонятностью связей между *рябиной* и *ночью* и большей смысловой приемлемостью *воробьиной* ночи как «пугающей воробьев».

Таким образом, на обоих путях могло произойти превращение более древней *рябиной* ночи в *воробьиною*. Не исключена также возможность совместного действия обоих факторов — и переосмысления на русской почве, и некоторого воздействия родственного украинского языка. При всех этих изменениях старое выражение *рябиная* ночь все же не исчезло; оно сохранилось в говорах, и его осмыслиют как *рябиновая* через дерево *рябину*, стремясь хотя бы этим путем сблечь некоторую понятность.

А. М. Финкель